ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–92. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 85–92. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
УДК 821.161.1’0.09
EDN IDGQIP
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-85-92

ПОЭТИКА РАССКАЗОВ О МЯТЕЖАХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XII–XVI ВВ.: К ПРОБЛЕМЕ «ДЕВИАНТНОСТИ»

Туфанова Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, tufoa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2254-7969

Аннотация. В статье рассматривается художественная специфика криминальных сюжетов о мятежах в составе Новгородской I летописи младшего извода и Московского летописного свода конца XV в. В результате исследования сделан вывод о том, что рассказы о выступлениях против или за представителей светской или церковной власти относятся к группе «девиантных» текстов, в которых запечатлевается насилующее зло, находящее проявление либо в «инструментальной» агрессии, либо в деструктивном поведении. Во всех проанализированных фрагментах наблюдаются сходные модели поведения, отражающие ситуативно отрицательное отклонение: представители светской или церковной власти вынуждены подчиниться требованиям взбунтовавшихся, мятежники же посредством грабежа и разбоя оказывают агрессивное психологическое воздействие на представителей власти. В зависимости от того, против кого был поднят мятеж и какой характер он имел, меняется и доминантный набор ведущих мотивов. Если в рассказах об организованных мятежах повторяются мотивы грабежа, насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка, то в сюжетах о стихийно возникших мятежах огромную роль играет «девиантогенный фактор» – рассказ о природном катаклизме, который и приводит к ситуативному девиантному поведению. Соответственно, на первый план в этих сюжетах выходят мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы и, как и в иных криминальных сюжетах, мотив восстановления порядка.

Ключевые слова: летопись, сюжеты о мятежах, поэтика «девиантности», «девиантный» текст, мотив, деструктивное поведение.

Для цитирования: Туфанова О.А. Поэтика рассказов о мятежах в древнерусских летописях XII–XVI вв.: к проблеме «девиантности» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–92. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-85-92

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00091, https://rscf.ru/project/24-28-00091/) в ИМЛИ РАН.

Research Article

RIOT STORIES POETICS IN OLD RUSSIAN CHRONICLES OF THE 12TH–16TH CENTURIES: ON THE PROBLEM OF “DEVIANCE”

Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tufoa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2254-7969

Abstract. The article examines the artistic specificity of crime stories about rebellions in Novgorod First Chronicle of the Younger Edition and Moscow Chronicle Collection of the late 15th century. The study concludes that stories about uprisings against or for representatives of secular or ecclesiastical authority belong to the group of “deviant” texts, which depict violent evil, which is manifested either in “instrumental” aggression or in destructive behaviour. All analysed fragments exhibit similar behavioural patterns reflecting a situationally negative deviation: representatives of secular or ecclesiastical authority are forced to submit to the demands of the rebels, while the rebels exert aggressive psychological influence on the representatives of authority through robbery and plunder. Depending on who the rebellion was raised against and what its nature was, the dominant set of leading motives also changes. If stories about organised rebellions repeat the motives of robbery, violent deprivation of power, gatherings of people, battles/brawls, death, intervention of representatives of

© Туфанова О.А., 2025

church or princely authority and restoration of order, then in stories about spontaneous rebellions a huge role is played by the "deviantogenic factor" – a story about a natural cataclysm, which leads to situational deviant behaviour. Accordingly, in these stories the motives of public accusation and/or search for the guilty, the use of physical force and, as in other criminal stories, the motive of restoring order come to the fore.

Keywords: chronicle, riot stories, poetics of "deviance", "deviant" text, motive, destructive behaviour.

For citation: Tufanova O.A. Riot stories poetics in Old Russian chronicles of the 12th–16th centuries: on the problem of "deviance". Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 85–92. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/19980817-2025-31-4-85-92

Acknowledgements. The article was completed with the support of the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/) at IWL RAS.

В древнерусских летописях XII–XVI вв. встречается довольно большое количество рассказов о выступлениях против власти и порядка управления. Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка…» И.И. Срезневского, слово «мятеж» в письменных памятниках имеет несколько значений: ʻволнение, смута', ʻссора', ʻразногласие', ʻбеспорядок', ʻшум, смятение', ʻсмущение, волнение, возбуждение', а также ʻраскаяние', ʻбуря', ʻград' и даже ʻвоображение' [Срезневский 2: стб. 258–259]. Однако наиболее часто в летописях слово «мятеж» все-таки используется в трех первых значениях и употребляется, как правило, в сюжетах о массовых преступлениях против власти и/или порядка управления, почти всегда сопровождаемых мотивами убийства, членовредительства, грабежа и разбоя.

Они неоднородны по своей тематике и художественному представлению, имеют разные названия: в одних случаях летописцы прямо пишут, что это мятеж, под которым подразумеваются серьезные народные волнения, смута, массовые беспорядки, в других случаях используют слова «котора», «крамола» (часто для обозначения вражды или распри внутри одной общины), в третьих случаях указанием на повествование соответствующей тематики являются глаголы «восташа» и «разграбиша». Трудность в однозначном определении таких криминальных по своей сути рассказов отчасти объясняется тем, что мятеж долгое время, почти до XVII столетия, не рассматривался на Руси как государственное преступление «по обыкновенной неполноте закона», как писал в своем фундаментальном труде «Обзор истории русского права» М.Ф. Владимирский-Буданов, «в сравнении с сферою действующаго права, частию же потому, что преступность некоторых деяний из этого разряда не вполне была сознана» [Владимирский-Буданов: 230; орфография источника упрощена]. «Неясным», по мнению ученого, было и «представление о *преступлениях граждан против порядка управления*», поскольку «составление мятежных скопищ было обыкновенным явлением при вечевом складе общества», однако «случай в Новгороде, описанный под 1071 г., когда весь народ встал за волхва и лишь князь Глеб с дружиной за епископа, показывает, как трудно причислить явления к обыкновенным преступлениям» [Владимирский-Буданов: 231; см. также: История 1: 266]. Соглашаясь с мнением М.Ф. Владимирского-Буданова, авторы труда «История суда и правосудия в России» акцентируют внимание на том, что «бунты, мятежи, восстания, погромы, убийства должностных лиц… нельзя назвать ординарными, они – экстраординарные, экстремальные, чрезвычайные, но далеко не единичные» [История 1: 266].

В силу этой тематической специфики и «чрезвычайности» сюжеты о мятежах можно классифицировать как «девиантные» тексты, в центре внимания которых находится поступок или действия человека (или группы людей), который воспринимается и оценивается книжником как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества (подробнее о понятии «девиантный» текст см.: [Туфанова 2024: 274–276]). Многократно и обстоятельно исследованные с историко-культурной и идеологической точки зрения (см., например: [Тихомиров; Мавродин; Янин 2008; Халявин; Фроянов; и др.], сюжеты о массовых преступлениях против власти и порядка управления в меньшей степени охарактеризованы с точки зрения их художественной специфики.

Прежде всего, необходимо отметить, что поэтика сюжетов о мятежах, зафиксированных в летописях XII–XVI вв., во многом зависит от того, против кого было направлено массовое возмущение; от того, кто был зачинщиком смуты; а также от событий или явлений, предшествующих массовым беспорядкам. Во-вторых, при отборе материала учитывалось наличие или отсутствие определения в самом фрагменте; для анализа брались исключительно те сюжеты, в которых книжники характеризовали массовые беспорядки посредством существительных «мятеж», «крамола», «котора» или при помощи глагола «восташа». В-третьих, рассмотрению с точки зрения художественной специфики были подвергнуты только те повествовательные фрагменты, в которых наблюдалось соответствие содержания (рассказ об анормальном поступке) и формы (наличие характерной для «девиантных» текстов сюжетной схемы (см. подробнее: [Туфанова 2024; Туфанова 2025]).

С учетом этих особенностей рассказы о массовых преступлениях против власти и порядка управления можно разделить на две группы: 1) сюжеты об организованных мятежах, т. е. возникающих вследствие желания сменить власть или оказать на нее воздействие, сопровождающихся распределением ролей участников и нередко выделением лидеров-организаторов и исполнителей; 2) сюжеты о стихийных мятежах, возникающих в тех случаях, когда стремительное развитие патогенных или социогенных ситуаций заставляет людей, вне зависимости от их воли, желаний, убеждений и пр., нарушать конкретные правовые, культурные или нравственные нормы.

Рассматривая природу и специфику бунтов в Древней Руси, исследователи В.Я. Мауль, О.Г. Усенко справедливо отмечали, что разработка универсальной, общепризнанной «типологии народного протеста» невозможна в силу неустойчивости как самих дефиниций понятий, так и «критериев построения» [Мауль: 182–183; Усенко 1994: 6]. Поэтому, осознавая условный характер деления рассказов о мятежах на две группы, вынужденно принимаем его для анализа художественной специфики криминальных сюжетов, поскольку они кардинально отличаются друг от друга не только исходными ситуациями, но и характером проявления и описания девиантного поведения участников событий. Не претендуя в рамках статьи на полноту освещения вопроса, намеренно не касаясь всесторонне исследованных причин исторического и политического характера тех или иных событий, обратимся к рассмотрению поэтики «девиантности» наиболее ярких сюжетов из каждой группы, сделав акцент на особенностях повествования о массовых преступлениях против власти и порядка управления.

Сюжеты об организованных мятежах в историческом повествовании XII–XVI вв. часто имеют политический характер и отличаются друг от друга набором повторяющихся мотивов в зависимости от героя, против или во имя которого поднимается мятеж. Среди них выделяются сюжеты о мятежах против посадников и сюжеты о мятежах против или за князей.

Так, в Новгородской I летописи младшего извода под 6644 (1136) и 6645 (1137) гг. читаются два рассказа, объединенные образом одного князя – Всеволода; в первом случае новгородцы прогоняют князя, во втором – князь пытается вернуть себе отчий стол. При этом события 1136 г., когда новгородцы «сгониша князя своего Всеволода, и всадиша и въ епископль дворъ с женою и с дѣтьми и с тѣщею» [НІЛмл: 209], не оценивается летописцем как преступление, что выражается и в отсутствии характерного для рассказов о мятежах определения, и в том, что во фрагменте последовательно, по пунктам перечисляются причины недовольства правлением князя. Эти обвинения свидетельствуют о том, что Всеволод, по мнению людей, не способен должным образом исполнять свои обязанности (подробнее см.: [Фроянов: 282–286]). В рассказе подчеркивается, что новгородцы, арестовав князя, заключают его под стражу со всеми близкими родственниками, но в то же время здесь ни слова не говорится о разграблении имущества князя или о причинении какого-либо физического вреда ему. Отсутствует и обязательная для сюжетов о мятежах оценка происходящего. Всё это приводит к заключению, что перед нами рассказ, который в определенном смысле фиксирует некое нормативное для таких случаев поведение.

Иначе повествуется о событиях в статье под 1137 г. Летописец дает им четкое оценочное определение, лапидарно, без дополнительных комментариев выразив свое отношение к описываемому: «и мятежъ бысть великъ в Новѣгородѣ» [НІЛмл: 210]. Развернуто представляется исходная ситуация, выстраиваемая на мотивах личного желания князя (хотения) и тайного призыва и поддержки его сторонников: «В то же лѣто прииде князь Мьстиславич Всеволод въ Плесковъ, хотя сѣсти в Новѣгородѣ опять на столѣ своем, позванъ отаи новгородчкыми мужи и плесковици, приятели его: “поиди княже, тебе хотятъ опять”» [НІЛмл: 209–210]. Собственно рассказ о дальнейших событиях (еще один обязательный элемент сюжетной схемы «девиантных» текстов [Туфанова 2024; Демичева]) начинается с обратного мотива, фиксирующего причину волнений: «не въсхотѣша людье Всеволода» [НІЛмл: 210]. Вследствие столкновения желаний (князь хочет – новгородцы не хотят) и начинается мятеж, который выливается в разграбление домов сторонников князя, поиски его «приятелей» бояр и взимание с них большой дани: «…и побѣгоша друзии къ Всеволоду Плескову, и взяша на разъграбление домы их, Костянтинъ, Нѣжатинъ, инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду прияетъ боляръ, то имаша на них с полторѣ тысяцѣ гривенъ, и даша купцѣ крутитися на воину» [НІЛмл: 210]. Грабеж выступает здесь формой протеста против неугодного князя и является своеобразной мерой наказания для тех, кто имел отношение к тайному сговору. Но, поскольку зло порождает зло, разграблению и обложению более серьезной данью подверглись и сочувствующие, и вовсе не причастные: «досягаша и не виноватых» [НІЛмл: 210].

В «Московском летописном своде конца XV века» под 6621 (1113) г. помещен сюжет о мятеже, но уже не против, а во имя князя, который выстраивается на тех же самых мотивах, что и рассмотренный выше. Летописец пишет, что по смерти князя Михаила киевляне обратились к Владимиру с призывом занять «стол отца своего» [МЛС: 27]. Владимир же, «плакася велми по братѣ своемъ и не поиде от печали» [МЛС: 27]. Несколько иначе выраженное,

но по сути такое же столкновение желаний (народ хочет, призывает – князь в печали не желает) становится причиной дальнейших девиантных действий киевлян. Не добившись желаемого, они «разграбиша дворъ Путятинъ тысячского и идоша на Жиды и разграбиша я» [МЛС: 27]. После такого – сознательного – грабежа они вторично обратились к Владимиру с весьма примечательной речью: «поиде, княже, къ Киеву; аще ли не поидешь, то много зло во градѣ воздвигнется, и многы дворы и монастыря и княгиню пограбят» [МЛС: 27] (о сюжетообразующей роли речей в летописных «девиантных» текстах см.: [Туфанова 2025]). В сравнении с первым обращением: «поиди, княже, на стол отца своего» [МЛС: 27] – повторное зазывание звучит уже как угроза.

В основе конфликтной ситуации, таким образом, в сюжетах о мятежах против или за князей лежит столкновение желаний князя и горожан. Частый центральный мотив в них – мотив грабежа, который всегда является средством воздействия на князей и звучит либо как предупреждение (не приходи!), либо как приглашение, не допускающее отказа, и даже угроза (только попробуй не приди!). В сюжетах этого подтипа обыкновенно называются виновники мятежа, правда зачастую обобщенно (новгородские и псковские «мужи» или просто киевляне). Завершаются они обычно мотивом восстановления порядка, играющим роль фактической и в большинстве случаев слабо выраженной эмоциональной оценки ситуации: либо наказанием виновных, либо сообщением о том, что князь сел на княжение, «людие възрадовашяся, и мятеж улеже» [МЛС: 27].

В сравнении с довольно лаконичными сюжетами о мятежах, связанными с тем или иным князем, сюжеты о мятежах против посадников отличает относительная развернутость повествования и бóльшая детализация. Так, в Новгородской I летописи младшего извода в статью под 6867 (1359) г. включен рассказ о выступлении народа против посадника Андреяна Захарьинича, который получает однозначное оценочно-смысловое определение: «бысть мятежъ силенъ в Новѣгородѣ» [НIЛмл: 365]. Фрагмент имеет обрамление, выполняющее роль оценки события, в которой типичное трансцендентное объяснение причин произошедшего сочетается с объективным, реалистическим указанием на виновников мятежа. Начало эпизода: «Тои же весны, богу попустившю грѣх ради наших, а диаволу дѣиствующу, и по совѣту лихых людии…» [НIЛмл: 365]; конец эпизода: «не попусти богъ до конца диаволу порадоватися, нь възвеличано бысть крестияньство в род и род» [НIЛмл: 366]. В финале летописец использует глагол «порадоватися» в своеобразном контексте, позволяющем предположить (в сопоставлении с началом эпизода), что мятеж толкуется и оценивается книжником как дьявольская радость, исполнителями которой стали «лихие» люди.

Главный мотив исходной ситуации – мотив насильственного лишения власти: «отъяша посадничьство у Вондрѣяна Захарьиница не весь город, токмо Славеньскыи конецъ, и даша посадничьство Селивестру Лентиеву» [НIЛмл: 366]. Повод недовольства посадником не называется, и благодаря этому приему умолчания иначе прочитывается оценка в начале эпизода и становится видно, как летописец создает, с одной стороны, образ мятежников, с другой – образ «размножающегося» зла: некие «лихие» люди посоветовали (что посоветовали – неизвестно), и жители «Славенского конца» выступили против посадника. Рассказ о дальнейшем развитии событий открывает мотив собрания людей: «и створися проторжь не мала на Ярославлѣ дворѣ» [НIЛмл: 366]. Количество втянутых в конфликт жителей Новгорода все время увеличивается, «лихие» люди своим «советом» словно заражают этой «лихостью» других. Не случайно далее повествование строится на мотиве битвы, который сопровождают мотивы драки, смерти: «и сѣча бысть: занеже славлянѣ в доспѣсѣ подсѣлѣ бяху, и розгониша заричанъ, а они безъ доспѣха были, и бояръ многых побилѣ и полупили, а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили» [НIЛмл: 366]. Летописец подчеркивает нечестность битвы: одни – в доспехах, другие – без. Вследствие этого конфликтная ситуация разрастается еще больше, о посаднике Андреяне – ни слова, все о нем забыли, и речь идет уже о противостоянии сторон, о мести за бесчестие: «И доспѣша тогда обѣ сторонѣ противу себе: Софѣиская сторона хоти мьстити бещестие братьи своеи, а Славеньская от живота и от головъ; и стояша три дни межю себе, уже бо славляне и мостъ переметаша» [НIЛмл: 366].

Это нарастающее напряжение и неистовое противостояние останавливает вмешательство владыки Моисея, взявшего с собой архимандритов и игуменов. Он обращается с речью к девиантно ведущим себя горожанам, но с какой(!), одно обращение «дѣти» к вооруженным, разъяренным, ослепленным яростью и желанием мести жителям достойно восхищения: «…дѣти, – говорит, согласно летописи, владыка, – не доспѣити поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитеся бится» [НIЛмл: 366]. И тут же книжник пишет: «И прияша слово его, и разидошася» [НIЛмл: 366]. Мотив вмешательства представителя светской или церковной власти для погашения конфликтов между жителями встречается и в других сюжетах, посвященных выступлениям против посадников. Например, в статье под 6850 (1342) г. в Новгородской I летописи младшего извода, где речь идет о восстании все на того же Андреяна Захарьинича и на посадника Федора Данилова, летописец пишет: «и владыка Василии с намѣстником Борисом

доконцаша миръ межи ими» [НІЛмл: 356]. Но здесь, в статье под 1359 г., приведенная речь владыки имеет, как кажется, все-таки книжный характер (уж слишком она экзотична для описываемой ситуации), столь же по-книжному правильно выглядит и сообщение о том, что стороны разошлись. В действительности же последнее означает только то, что новой битвы между разными сторонами Новгорода не произошло. Не случайно книжник не останавливает на условном разрешении ситуации повествование, месть за бесчестие всё же состоялась: «…и взяша села Селивестрова на щитъ, а иных селъ славеньскыхъ много взяша; много же и невиноватых людии погибло тогда» [НІЛмл: 366]. А конфликт был разрешен только тогда, когда был выбран новый посадник: «…и даша посадничьство Микитѣ Матфѣевичю» [НІЛмл: 366], и это отнюдь не тот самый посадник Селивестр, которому отдал власть «Славеньский конец».

В целом рассказ о мятеже 1359 г. представляет собой сюжетное повествование, в котором реализуются все три элемента общей сюжетной схемы, характерной для «девиантных» текстов, наблюдается групповая, отчасти спланированная, отчасти стихийная форма девиации втянутых в конфликт горожан и, соответственно, два вида агрессии – злокачественная со стороны «Славеньского конца» и доброкачественная с «Софѣиской стороны», обусловленная ответной реакцией на девиантное, ничем с объективной точки зрения не объяснимое в рассказе поведение тех, кто отнял посадничество у Андреяна (подробнее о видах агрессии см.: [Фромм: 234–235]). В данном случае я не касаюсь причин исторического и политического характера, которые прекрасно представлены в работах коллег-историков (см., например: [Фроянов: 275–289]), речь идет исключительно о форме и способе рассказывания о событии.

Таким образом, в сюжетах о мятежах против посадников, в сравнении с сюжетами о мятежах против или за князей, наблюдается несколько иной набор мотивов: это мотивы насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка.

Вторая группа рассказов о массовых преступлениях против власти и порядка управления – это сюжеты о стихийных мятежах. Один из таких сюжетов, рожденный патогенной ситуацией, – это рассказ под 6736 (1228) г. в Новгородской I летописи младшего извода о свержении Арсения, занимавшего кафедру архиепископа в Новгороде. Всё произошедшее толкуется летописцем как «крамола велика» [НІЛмл: 272]. Развитию событий предшествует важная информация об исходной ситуации, в которой изображается природный катаклизм: «Тои же осени наиде дождь великъ и день и нощь, на Госпожинъ день, даждь и до Николина дни ни сѣна бяшет людемъ лзя добыти, ни удѣлати» [НІЛмл: 272]. В этой критически тяжелой бытовой и природной ситуации новгородцы «створше вѣче на княжи дворѣ, и поидоша на владычень дворъ, глаголюще сице: “того ради стоитъ тепло долго, выпровадилъ Антониа владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давши князю мъзду”» [НІЛмл: 272]. Согласно психологическим исследованиям, экстремальная ситуация, как правило, «приводит к высокому уровню социального возбуждения» и «обостряет доминирующую реакцию» [Рогачева, Залевский, Левицкая: 86]. Чтобы адаптироваться к анормальной, критической ситуации либо снизить индивидуальное или коллективное эмоциональное напряжение, люди склонны использовать различные когнитивные способы совладания – от поиска информации до обвинения других (см. подробнее: [Психология: 192; Берзин, Куимов, Пышминцева]). На фоне когнитивного искажения ответственность за происходящее может перекладываться на обстоятельства или конкретное лицо (подробнее о понятии когнитивное искажение см., например: [Позняк; Кашапова, Рыжкова]). В анализируемом фрагменте массовое когнитивное искажение, обусловленное продолжительным нахождением в состоянии стресса, проявляется скрыто в желании найти виновного в природных катаклизмах. Собравшиеся на вече новгородцы единодушно видят причину бесконечного дождя, «препятствовавшего севу озимых и уборке сена» [Фроянов: 402], в незаконных действиях Арсения. В Новгородской IV летописи это обвинение, на что обратил внимание еще И.Я. Фроянов, высказано в четкой формулировке: «Тебе ради бысть зло се» [Фроянов: 416, примеч. 53]. Последствием этого массового когнитивного искажения стало стихийное девиантное поведение «простой чади», вылившееся в открытое общественное обвинение Арсения и применение физического насилия по отношению к нему: «акы злодѣя пьхающе в шию, выгнаша» [НІЛмл: 272]. И это отнюдь не случайно: «…народ, отягощенный грузом языческих верований и представлений, причину бед людских искал в правителях», немалую роль в этом сыграли и «политические страсти, раздиравшие Новгород» [Фроянов: 405; см. также: Янин 2003: 197–198].

В этом контексте очень важна прямо выраженная оценка летописцем Арсения как «мужа кротка и смирена» [НІЛмл: 272] и показанное через действия анормальное поведение новгородцев. Деструктивность их решений и поступков дополнительно подчеркивается через размещенную в начале эпизода общую оценку произошедшего, в которой наряду с традиционным трансцендентным объяснением вводится конкретика, проясняющая, почему дьявол поднял «простую чадь» на Арсения: «зане прогоняшет его (т. е. дьявола. – *О.Т.*) нощнымъ стояниемъ

и пѣснословием и молитвами» [НІЛмл: 272]. Эта конкретизация детализирует характеристику Арсения как благочестивого и нормативно правильно ведущего себя «мужа кротка и смирена» [НІЛмл: 272], которого «простая чадь» обвинила в создавшейся патогенной природной ситуации.

Мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы, порой жестокой расправы, в том числе и со смертельным исходом, являются яркими способами изображения девиантного поведения героев в сюжетах о стихийных мятежах. Аналогичным образом строятся, как это ни странно, сюжеты о волхвах, например сюжет о волхвах, избивающих старую чадь, под 1024 г. в Повести временных лет.

Завершаются сюжеты о стихийных мятежах, как правило, аналогично сюжетам первой группы – мотивом восстановления порядка. В анализируемом эпизоде новгородцы наутро возвращают архиепископа Антония («И заутра выведоша опять въ дворъ Антониа архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисѣевича, Микифора щитника» [НІЛмл: 273]), а Арсению удается с Божьей помощью укрыться в церкви святой Софии: «и на малѣ ублюде богъ от смерти: затворися въ церкви святыя Софѣя, иде на Хутино» [НІЛмл: 272]. Однако гораздо чаще мотиву восстановления порядка предшествует рассказ о расправе с тем, кто, воспользовавшись патогенной ситуацией, взял на себя миссию восстановления порядка и превысил свои полномочия, что характерно в первую очередь для сюжетов о восстаниях волхвов.

Таким образом, рассмотренные рассказы о мятежах в Новгородской I летописи младшего извода и в «Московском летописном своде конца XV века» относятся к группе «девиантных» текстов, в которых запечатлевается насилующее зло, в большинстве своем демонстрирующих массовое ситуативно отрицательное отклонение, находящее проявление либо в «инструментальной» агрессии, под которой понимается «средство достижения каких-то личных, как правило, корыстных целей» [Девиантное поведение: 13] – сюжеты о мятежах против/за князя, либо в деструктивном поведении, обусловленном когнитивным искажением, выливающимся в коллективную агрессию по отношению к власти, – сюжеты о стихийных мятежах. Во всех проанализированных фрагментах наблюдаются сходные модели поведения: представители светской или церковной власти вынуждены подчиниться требованиям взбунтовавшихся, мятежники же посредством грабежа, разрушения и/или уничтожения имущества оказывают агрессивное психологическое воздействие на представителей власти. Повествуя о преступлениях против собственности во имя организации нового порядка управления или сохранения сложившегося, летописцы фиксируют, избегая «юридической» конкретики, и в сюжетах об организованных мятежах, и в сюжетах о стихийных мятежах нарушение социально-правовых норм. В зависимости от того, против кого был поднят мятеж, меняется и доминантный набор способов повествования. Если в лаконичных рассказах о мятежах против или за князя повторяются в основном мотивы грабежа и восстановления порядка, то в более развернутых повествованиях о мятежах против посадников используется иная «палитра» мотивов, важнейшие среди которых – мотивы насильственного лишения власти, собрания людей, битвы/драки, смерти, вмешательства представителей церковной или княжеской власти и восстановления порядка. В отличие от сюжетов об организованных, чаще всего носящих политический характер мятежах, в сюжетах о стихийно возникших мятежах огромную роль играет «девиантогенный фактор» (термин Я.И. Гилинского [Гилинский: 193]) – рассказ о природном катаклизме, который и приводит к ситуативному девиантному поведению, выливающемуся в насилие над тем, кого принимают за виновного в происходящем. Соответственно, на первый план выходят мотивы общественного обвинения и/или поиска виноватого, применения физической силы и, как и в иных криминальных сюжетах, мотив восстановления порядка. В целом же, несмотря на выявленные сходные мотивы и способы изображения участников событий, рассмотренные летописные рассказы о массовых преступлениях против власти и/или порядка управления все-таки не имеют единого, устоявшегося канона описания, что связано, вероятно, с тем, что каждое такое спорадическое событие фиксировалось как экстраординарное в историческом повествовании Древней Руси.

Список литературы

Источники

МЛС – Полное собрание русских летописей / АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 463 с.

НІЛмл – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 640 с.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Изд-е Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1902. Т. 2: Л–П. 15, [4] с., 1802 стб.

Исследования

Берзин Б.Ю., Куимов А.Л., Пышминцева О.А. Адаптация и копинг-стратегии населения в экстремальных ситуациях // Human Progress. 2022. Т. 8,

вып. 3. С. 3. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Berzin.pdf. (дата обращения: 10.06.2025). https://doi.org/10.34709/IM.183.3

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Санкт-Петербург; Киев: Изд-е книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1907. [4], VI, VI, 694 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2013. 650 с.

Демичева Н.А. Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260

История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века): монография / отв. ред. С.А. Колунтаев, В.М. Сырых. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 640 с.

Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2 (30). С. 15–26. https://doi.org/10.17223/19988648/30/2

Мавродин В.В. Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. Москва: Соцэкгиз, 1961. 118 с.

Мауль В.Я. Бунт или не бунт и другие вопросы изучения темы (размышления о народных движениях XVII–XVIII вв. // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 2. С. 180–189. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-180-189

Позняк К.В. Классификация когнитивных искажений // Право. Экономика. Психология. 2023. № 3 (31). С. 68–75.

Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрусталёвой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018. 748 с.

Рогачева Т.В., Залевский Г.В., Левицкая Т.Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний: учеб. пособие. Томск: Издат. дом ТГУ, 2015. 276 с.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси: XI–XIII вв. Москва: Госполитиздат, 1955. 280 с.

Туфанова О.А. «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302

Туфанова О.А. Речи персонажей как сюжетообразующий прием в летописных «девиантных» текстах // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 2. С. 202–218. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218

Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. Ч. 1. 74 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. Москва: АСТ, 2015. 618 с.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков: народные движения. Княжеская и вечевая власть. Москва: Русский издательский центр, 2012. 1087 с.

Хагуров Т.А., Чепелева Л.М., Рябченко Н.А., Ракачев В.Н. Девиантное поведение подростков и молодежи: формы, причины, профилактика: учеб.-метод. пособие. Краснодар: [б. и.], 2020. 100 с.

Халявин Н.В. Оценка новгородских событий 1136 года в советской и современной отечественной историографии // Русские древности: сб. науч. трудов: к 75-летию проф. И.Я. Фроянова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. С. 84–97.

Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва: Языки славянских культур, 2008. 395, [2] с.

References

Berzin B.Iu., Kuimov A.L., Pyshmintseva O.A. *Adaptatsiia i koping-strategii naseleniia v ekstremal'nykh situatsiiakh* [Adaptation and coping strategies of the population in extreme situations]. *Human Progress*, 2022, vol. 8, iss. 3, p. 3. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_3/Berzin.pdf (access date: 10.06.2025). https://doi.org/10.34709/IM.183.3 (In Russ.)

Demicheva N.A. *"Chelovek v osazhdennom gorode: k probleme izucheniia 'deviantnogo' teksta v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi"* [Man in a Besieged City: On the Problem of Studying the 'Deviant' Text in the Historical Narrative of Ancient Rus]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2024, vol. 73, pp. 250–260. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260 (In Russ.)

Fromm E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness], trans. from German by E.M. Teliatnikova. Moscow, AST Publ., 2015, 618 p. (In Russ.)

Froianov I.Ia. *Drevniaia Rus' IX–XIII vekov: narodnye dvizheniia. Kniazheskaia i vechevaia vlast'* [Ancient Rus' in the 9th–13th Centuries: Popular Movements. Princely and Veche Authority]. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr Publ., 2012, 1087 p. (In Russ.)

Gilinskii Ia.I. *Deviantologiia: sotsiologiia prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"],

3rd ed., corr. and enl. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013, 650 p. (In Russ.)

Ianin V.L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod mayors], 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 511 p. (In Russ.)

Ianin V.L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of the medieval Novgorod]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, 395, [2] p. (In Russ.)

Istoriia suda i pravosudiia v Rossii: v 9 t. [History of the court and justice in Russia: in 9 vols.]. T. 1: *Zakonodatel'stvo i pravosudie v Drevnei Rusi (IX – seredina XV veka): monografiia* [Vol. 1: Legislation and justice in Ancient Rus (IX – mid-XV centuries): monograph], ex. ed. S.A. Koluntaev, V.M. Syrykh. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2017, 640 p. (In Russ.)

Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. *Kognitivnye iskazheniia i ikh vliianie na povedenie individa* [Cognitive biases and their impact on the behavior of an individual]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 2015, no. 2 (30), pp. 15–26. https://doi.org/10.17223/19988648/30/2 (In Russ.)

Khagurov T.A., Chepeleva L.M., Riabchenko N.A., Rakachev V.N. *Deviantnoe povedenie podrostkov i molodezhi: formy, prichiny, profilaktika / uchebno-metodicheskoe posobie* [Deviant behavior of adolescents and young people: forms, causes, prevention / teaching aid]. Krasnodar, [b. i.], 2020, 100 p. (In Russ.)

Khaliavin N.V. *Otsenka novgorodskikh sobytii 1136 goda v sovetskoi i sovremennoi otechestvennoi istoriografii* [Assessment of the Novgorod events of 1136 in Soviet and modern Russian historiography]. *Russkie drevnosti: sb. nauch. trudov: k 75-letiiu prof. Igoria Iakovlevicha Froianova* [Russian antiquities: a collection of scientific papers: for the 75th anniversary of Professor Igor Yakovlevich Froyanov]. St. Petersburg, S.-Petersburg University Publ., 2011, pp. 84–97. (In Russ.)

Maul' V.Ia. *Bunt ili ne bunt i drugie voprosy izucheniia temy (razmyshleniia o narodnykh dvizheniiakh XVII–XVIII vv.* [Rebel or not rebel and other questions of studying the topic (reflections on the popular movements of the 17th–18th centuries)]. *Novoe proshloe = The New Past*, 2021, no. 2, pp. 180–189. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-2-180-189 (In Russ.)

Mavrodin V.V. *Narodnye vosstaniia v drevnei Rusi XI–XIII vv.* [Popular uprisings in ancient Rus' of the 11th–13th centuries]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1961, 118 p. (In Russ.)

Pozniak K.V. *Klassifikatsiia kognitivnykh iskazhenii* [Classification of cognitive distortions]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiia* [Law. Economics. Psychology], 2023, no. 3 (31), pp. 68–75. (In Russ.)

Psikhologiia krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: uchebnik [Psychology of crisis and extreme situations: textbook], ed. by N.S. Khrustaleva. St. Petersburg, S.-Petersburg University Publ., 2018, 748 p. (In Russ.)

Rogacheva T.V., Zalevskii G.V., Levitskaia T.E. *Psikhologiia ekstremal'nykh situatsii i sostoianii: ucheb. posobie* [Psychology of extreme situations and states: textbook. Manual]. Tomsk, TSU Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)

Tikhomirov M.N. *Krest'ianskie i gorodskie vosstaniia na Rusi: XI–XIII vv*. [Peasant and Urban Uprisings in Rus': 11th–13th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 280 p. (In Russ.)

Tufanova O.A. *"'Deviantnyi' tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problem"* ["'Deviant' Text in the Historical Narration of Old Russia: To the Problem Statement"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., vol. 23, 2024, pp. 265–302. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302 (In Russ.)

Tufanova O.A. *Rechi personazhei kak siuzhetoobrazuiushchii priem v letopisnykh "deviantnykh" tekstakh* [Characters' Speeches as a Plot-Forming Technique in Chronicle 'Deviant' Texts]. *Studia Litterarum*, 2025, vol. 10, no. 2, pp. 202–218. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218 (In Russ.)

Usenko O.G. *Psikhologiia sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv.* [Psychology of Social Protest in Russia in the 17th–18th Centuries]. Tver', Tver' State University Publ., 1994, part 1, 74 p. (In Russ.)

Vladimirskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law], 5th ed. St. Petersburg, Kiev, Izdanie knigoprodavtsa N.Ia. Ogloblina Publ., 1907. [4], VI, VI, 694 p.

Статья поступила в редакцию 11.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 01.10.2025.

The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 01.10.2025.